

И.С. Тургенев

Стихотворения в прозе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т87

Т87 **Тургенев И.С.**
Стихотворения в прозе / И.С. Тургенев – М.: Книга по Требованию, 2015. –
96 с.

ISBN 978-5-517-83353-2

ISBN 978-5-517-83353-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Только такая молитва и есть настоящая молитва отъ лица къ лицу. Молиться Всемирному Духу, Высшему Существо, кантовскому, гегелевскому, очпщенному, безобразному Богу — невозможно и немислимо.

Но можетъ ли даже личный, живой, образный Богъ сдѣлать, чтобы дважды два—не было четыре?

Всякій вѣрующій обязанъ отвѣтить: **можетъ** — и обязанъ убѣдить самого себя въ этомъ.

Но если разумъ его возстанетъ противъ такой безсмыслицы?

Тутъ Шекспиръ придетъ ему на помощь: „Есть многое на свѣтѣ, другъ Гораціо...“ и т. д.

А если ему стануть возражать во имя истины, — ему стоитъ повторить знаменитый вопросъ: „Что есть истина?“

И потому: станемъ пить и веселиться — и молиться.
 Июль 1881.

ГОЛУБИ.

Я стоялъ на вершинѣ пологого холма; передо мною— то золотомъ, то посеребреннымъ моремъ раскинулась и пестрѣла спѣлая рожь.

Но не бѣгало зыби по этому морю; не струился душный воздухъ: назрѣвала гроза великая.

Около меня солнце еще свѣтило горячо и тускло; но тамъ, за рожью, не слишкомъ далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на цѣлой половинѣ неба-склона.

Все притаилось... все изнывало подъ зловѣщимъ блескомъ послѣднихъ солнечныхъ лучей. Не слышать,

не видать ни одной птицы; попрятались даже воробья. Только гдѣ-то вблизи упорно шепталь и хлопаль одинокій, крупный листъ лопуха.

Какъ сильно пахнетъ полынь на межахъ! Я глядѣлъ на синюю громаду... и смутно было на душѣ. Ну, скорѣй же, скорѣй! думалось мнѣ, сверхни, золотая змѣйка, дрогни, громъ! двинься, покатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье!

Но туча не двигалась. Она попрежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла, да темнѣла.

И вотъ, по одноцвѣтной ея синевѣ замелькало что-то ровно и плавно; ни дать, ни взять бѣлый платочекъ или снѣжный комокъ. То летѣлъ со стороны деревни бѣлый голубь.

Летѣлъ, летѣлъ все прямо, прямо... и потонулъ за лѣсомъ.

Прошло нѣсколько мгновепій — та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Ужь два платка мелькають, два комочка несутся назадъ: то летять домой ровнымъ полетомъ два бѣлыхъ голубя.

И вотъ, наконецъ, сорвалась буря и пошла потѣха!

Я едва домой добрался. — Визжитъ вѣтеръ, мечется какъ бѣшеный, мчатся рыжія, низкія, словно въ ключья разорванныя облака, все закрутилось, смѣшалось, захлесталъ, закачался отвѣсными столбами рьяный ливень, молніи слѣпять огнистой зеленою, стрѣляетъ какъ изъ пушки отрывистый громъ, запахло сѣрой...

Но подъ навѣсомъ крыши, на самомъ краюшкѣ слухового окна, рядышкомъ сидятъ два бѣлыхъ голубя — и тотъ, кто слеталъ за товарищемъ — и тотъ, кого онъ привелъ и можетъ быть, спасъ.

Нахохлились оба — и чувствуютъ каждый своимъ крыломъ крыло сосѣда...

Хорошо имъ! И мнѣ хорошо, глядя на нихъ... Хотя я и одинъ... одинъ, какъ всегда.

Май 1879.

ВРАГЪ и ДРУГЪ.

Осужденный на вѣчное заточеніе узникъ вырвался изъ тюрьмы и стремглавъ пустился бѣжать... За нимъ по пятамъ мчалась погоня.

Онъ бѣжалъ изъ всѣхъ силъ... Преслѣдователи начали отставать.

о вотъ, передъ нимъ рѣка съ крутыми берегами, узкая — но глубокая рѣка... А онъ не умѣетъ плавать!

Съ одного берега на другой перекинута тонкая, гнилая доска. Бѣглець уже занесъ на нее ногу... Но случилось такъ, что тутъ же, возлѣ рѣки, стояли: лучший его другъ и самый жестокой его врагъ.

Врагъ ничего не сказалъ и только скрестилъ руки; за то другъ закричалъ во все горло:—„Помилуй! Что ты дѣлаешь! Опомнись, безумецъ! Развѣ ты не видишь, что доска совсѣмъ сгнила? — Она сломится подъ твою тяжесть — и ты неизбежно погибнешь!“

„Но вѣдь другой переправы нѣтъ... а погоню слышишь?“ — отчаянно простоналъ несчастный и ступилъ на доску.

„Не допущу!.. Нѣтъ, не допущу, чтобы ты погибнул!“ — возопилъ ревностный другъ и выхватилъ изъ подъ ногъ бѣглеца доску. — Тотъ мгновенно бухнулъ въ бурныя волны — и утонулъ.

Врагъ засмѣялся самодовольно — и пошелъ прочь; а другъ присѣлъ на бережку — и началъ горько плакать о своемъ бѣдномъ... бѣдномъ другѣ!

Обвинять самого себя въ его гибели онъ, однако, не подумалъ... ни на мигъ.

„Не послушался меня! Не послушался!“ — шепталъ онъ уныло.

„А впрочемъ! — промолвилъ онъ, наконецъ — Вѣдь онъ всю жизнь свою долженъ былъ томиться въ ужасной тюрьмѣ! По крайней мѣрѣ, онъ теперь не страдает! Теперь ему легче! Знать, ужъ ему выпала доля!“

„А все-таки жалко, по человѣчеству!“

И, добрая душа продолжала неутѣшно рыдать о своемъ злополучномъ другѣ.

Декабрь 1878.

СФИНКСЪ.

Пожелта сѣрый, сверху рыхлый, изподнизу твердый, скрипучій песокъ... песокъ безъ конца, куда ни заглянешь!

И надъ этой песчаной пустыней, надъ этимъ моремъ мертваго праха, высится громадная голова египетскаго сфинкса.

Что хотять сказать эти крупныя, выпяченныя губы, эти неподвижно-расширенныя, вздернутыя ноздри — и эти глаза, эти длинные, полу-сонные, полу-внимательные глаза подъ двойной дугой высокихъ бровей?

А что-то хотять сказать они! Они даже говорятъ—но одинъ лишь Эдипъ умѣетъ разрѣшить загадку и понять ихъ безмолвную рѣчь.

Ба! Да я узнаю эти черты... въ нихъ уже нѣтъ ничего египетскаго. Бѣлый, низкій лобъ, выдающіяся скулы, носъ короткій и прямой, красивый бѣлозубый ротъ, мягкій усъ и борода курчавая — и эти широко разставленные небольшіе глаза... а на головѣ шапка во-лось, разсѣченная проборомъ... Да это ты, Карпъ, Сидоръ, Семень, ярославскій рязанскій мужичекъ, соотчичъ мой, русская косточка! Давно ли попалъ ты въ сфинксы?

Или ты тоже что-то хочешь сказать? Да; и ты тоже — сфинксъ.

И глаза твои—эти безцвѣтные, но глубокіе глаза—говорятъ тоже... И такъ же безмолвны и загадочны ихъ рѣчи.

Только гдѣ твой Эдипъ?

Увы! Не довольно надѣтъ мурмолку, чтобы сдѣлаться твоимъ Эдипомъ, о, всероссійскій сфинксъ!

Декабрь 1878.

КОНЕЦЪ СВѢТА.

(Сонъ).

Чудилось мнѣ, что я нахожусь гдѣ-то въ Россіи, въ глуши, въ простомъ деревенскомъ домѣ.

Комната большая, низкая, въ три окна; стѣны вымазаны бѣлой краской; мебели нѣтъ. Передъ домомъ голая равнина; постепенно понижаясь, уходитъ она въ даль; сѣрое, одноцвѣтное небо виситъ надъ нею, какъ пологъ.

Я не одинъ; человекъ десять со мною въ комнатѣ. Люди все простые, просто одѣтые; они ходятъ вдоль и поперекъ, молча, словно крадутись. Они избѣгаютъ

другъ друга — и, однако, безпрестанно мѣняются тревожными взорами.

Ни одинъ не знаетъ, зачѣмъ онъ попалъ въ этотъ домъ и что за люди съ нимъ? На всѣхъ лицахъ беспокойство и унылость... всѣ поочередно подходятъ къ окнамъ и внимательно оглядываются, какъ бы ожидая чего-то извнѣ.

Потомъ опять принимаются бродить вдоль и поперекъ. Между нами вертится небольшого росту мальчикъ; отъ времени до времени онъ пищитъ тонкимъ, однозвучнымъ голосомъ. Только я чувствую: идетъ и близится большая, большая бѣда.

А мальчикъ нѣтъ, пѣтъ — да запищитъ. Ахъ, какъ бы уйти отсюда! Какъ душно! Какъ томно! Какъ тяжело... Но уйти невозможно.

Это небо — точно саванъ. И вѣтра нѣтъ... Умеръ воздухъ, что-ли?

Вдругъ мальчикъ подскочилъ къ окну и закричалъ тѣмъ же жалобнымъ голосомъ: „Гляньте! гляньте! земля провалилась!“

— „Какъ? провалилась?“ — Точно: прежде передъ домомъ была равнина — а теперь онъ стоитъ на вершинѣ горы! — Небосклонъ упалъ, ушелъ внизъ, — а отъ самаго дома спускается почти отвѣсная, точно разрытая, черная кручь.

Мы всѣ столпились у окна... Ужасъ леденитъ наши сердца.

— „Вотъ оно... вотъ оно!“ — шепчетъ мой сосѣдь.

И вотъ, вдоль всей далекой земной грани зашевелилось что-то, стали подниматься и падать какіе-то небольшіе, кругловатые бугорки.

„Это — море!“ подумалось всѣмъ намъ въ одно и

то же мгновение. — „Оно сейчасъ насъ всѣхъ затопить... Только какъ же оно можетъ расти и подняться вверхъ? На эту кручь?“

И однако, оно растетъ, растетъ громадно... Это уже не отдѣльные бугорки мечутся вдали... Одна сплошная, чудовищная волна обхватываетъ весь кругъ небосклона.

Она летитъ, летитъ на насъ! — Морознымъ вихремъ несется, крутится тьмой кромѣшной. Все задрожало вокругъ — а тамъ, въ этой налетающей громадѣ, — и трескъ, и громъ, и тысячегортанный, желѣзный лай...

Га! Какой ревъ и вой! Это земля завывала отъ страха...

Конецъ ей! Конецъ всему!

Мальчикъ пискнулъ еще разъ... Я хотѣлъ было ухватиться за товарищей — но мы уже всѣ раздавлены, погребены, потоплены, унесены той, какъ чернила черной, льдистой, грохочущей волной!

Темнота... темнота вѣчная!

Едва переводя дыханіе, я проснулся.

Мартъ 1878.

ДВА БОГАЧА.

Когда при мнѣ превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на леченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ — я хвалю и умпляюсь.

Но, и хвала и умпляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко.

— Возьмемъ мы Катьку, — говорила баба, — послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ, — не на что будетъ соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую, — отвѣтилъ мужицкъ, ея мужъ.

Далеко Ротшильду до этого мужика!

Іюль, 1878.

С Т О Й !

Стой! Какою я теперь тебя вижу — останься навсегда такою въ моей памяти!

Съ губъ сорвался послѣдній вдохновенный звукъ — глаза не блестятъ и не сверкаютъ — они меркнутъ, отягощенные счастьемъ, блаженнымъ сознаниемъ той красоты, которую удалось тебѣ выразить, той красоты, во слѣдъ которой ты словно простираешь твои торжествующія, твои изнеможенные руки!

Какой свѣтъ, тоньше и чище солнечнаго свѣта, разлился по всѣмъ твоимъ членамъ, по малѣйшимъ складкамъ твоей одежды?

Какой Богъ своимъ ласковымъ дуновеньемъ откинулъ назадъ твои разсыпанные кудри?

Его лобзаніе горитъ на твоемъ, какъ мраморъ поблѣдневшемъ, челѣ!

Вотъ она — открытая тайна, тайна поэзіи, жизни, любви! Вотъ оно, вотъ оно, безсмертіе! Другого безсмертія нѣтъ — и не надо. — Въ это мгновеніе ты безсмертна.

Оно пройдетъ — и ты снова щепотка пепла, женщина, дитя... Но что тебѣ за дѣло! — Въ это мгновенье —

ты стала выше, ты стала внѣ всего преходящаго, временнаго. — Это твое мгновеніе не кончится никогда.

Стой! И дай мнѣ быть участникомъ твоего бессмертія, урони въ душу мою отблескъ твоей вѣчности!

Ноябрь, 1879.

ЭГОИСТЪ.

Въ немъ было все нужное для того, чтобы сдѣлаться бичемъ своей семьи.

Онъ родился здоровымъ, родился богатымъ — и въ теченіе всей своей долгой жизни, оставаясь богатымъ и здоровымъ, не совершилъ ни одного проступка, не впалъ ни въ одну ошибку, не обмолвился и не промахнулся ни разу.

Онъ былъ безукоризненно честенъ!.. И гордый сознаниемъ своей честности, давилъ ею всѣхъ: родныхъ, друзей, знакомыхъ.

Честность была его капиталомъ... и онъ бралъ съ него ростовщичьи проценты.

Честность давала ему право быть безжалостнымъ и не дѣлать неукразаннаго добра; — и онъ былъ безжалостнымъ — и не дѣлалъ добра... потому что добро по указу — не добро.

Онъ никогда не заботился ни о комъ, кромѣ собственной — столь примѣрной особы, и искренно возмущался, если и другіе такъ же старательно не заботились о ней!

И въ то же время онъ не считалъ себя эгоистомъ — и нише всего порицалъ и преслѣдовалъ эгоистовъ и

эгоизмъ! — Еще бы! Чужой эгоизмъ мѣшалъ его собственному.

Не вѣдая за собой ни малѣйшей слабости, онъ не понималъ, не допускалъ ничьей слабости. Онъ вообще никого и ничего не понималъ, ибо былъ весь, со всѣхъ сторонъ, снизу и сверху, сзади и спереди, окруженъ самимъ собою.

Онъ даже не понималъ: что значитъ прощать? Самому себѣ прощать ему не приходилось... Съ какой стати сталъ бы онъ прощать другимъ?

Передъ судомъ собственной совѣсти, передъ лицомъ собственнаго Бога — онъ, это чудо, этотъ извергъ добродѣтели, возводилъ очи горѣ — и твердымъ и яснымъ голосомъ произносилъ: „Да; я достойный, я нравственный человѣкъ!“

Онъ повторить эти слова на смертномъ ложѣ — и ничего не дрогнуть даже и тогда въ его каменномъ сердцѣ — въ этомъ сердцѣ безъ пятнышка и безъ трещины.

О, безобразіе самодовольной, непреклонной, дешево доставшейся добродѣтели — ты едва ли не противнѣй откровеннаго безобразія порока.

Декабрь, 1878.

ДУРАКЪ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ дуракъ.

Долгое время онъ жилъ припѣваячи; по немногу стали доходить до него слухи, что онъ всюду слыветъ за безмозглаго пошлеца.